

Новая газ.

Когда над китайской деревушкой Лайан-Цися пролетали журавли, у местного башмачника родился сын, которого назвали Джао Да. Он с детства любил облака и однажды соорудил из бамбука свой первый самолет. Отец отдал его в летную школу, и через несколько лет парень уже бороздил небо в составе американских ВВС. Потом были кругосветные путешествия, помощь вождю африканского племени, экспедиция на Северный полюс и любовь с деревенской девушкой Софи, которая родила Джао Да сына. Но небо звало, и он снова взмыл ввысь. Так и не вернулся. Сейчас Джао Да обитает в деревне Кузнечиха Калининской области и вспоминает свою жизнь. Недавно к нему из Франции приезжал его сын Бернар, который вырос, разбогател

и стал владельцем десяти баров и семи ресторанов. После встречи с отцом он решил открыть в Москве кафе и назвать его «Китайский летчик Джао Да».

Такую историю, «конечно же реальную», любит рассказывать Алексей Паперный, который семь лет назад вместе со своей мамой Ириной Борисовной Паперной и открыл московский кафе-клуб «Китайский летчик Джао Да». Помимо клуба, у него есть своя группа «Паперный Т.А.М.». Играл смесь регги, цыганских мотивов, латино и даже мелодии из советского кино. И больше всего любит выступать дома — в «Летчике».

Он сидит за столиком в своем клубе, положив ногу на ногу, и потягивает через мундштук легкие сигареты. Человек-противоречие, снаружи и внутри. Утверждает, что мизантроп...

— А много ли вы видите у нас таких терзающихся музыкантов?

— Наверное, в России их много. Но московские исполнители не очень стараются. Может быть, потому, что конкуренция не слишком высока. По крайней мере, уровень мировой музыки гораздо выше. Хороший показатель — всемирный фестиваль Womax, фестиваль worldmusic — музыки, имеющей этническую, корневую основу. На нем собираются тысячи групп, тысячи продюсеров, создаются новые проекты, заключаются контракты. Разнообразие и качество исполнения просто потрясают. А главное — у всех музыкантов невероятно вы-

своего правительства, в этом весь ужас. Возьмите ситуацию с Грузией. На государственном уровне устанавливается критерий национальности, по которому можно преследовать человека. И он становится массовой идеологией, которая царит не только в темных кругах, шайках и подворотнях, но и в среде интеллигенции.

Люди думают, что в действиях правительства есть какой-то смысл, начинают рассуждать. Меня это серьезно пугает. В советское время существовало разделение: это власть, а это — мы. Сейчас нет никакой разницы. Жутковато становится. Меня меньше всего волнуют отно-

— Ее нельзя назвать абсолютно независимой. Практически все группы, играющие здесь, имеют свою, уже достаточно внушительную публику. Я стараюсь, чтобы здесь выступали те коллективы, на которые будут приходить люди. И даже получается дать выступить тем исполнителям, которые интересны мне, но еще не очень востребованы публикой. Когда на выступление хорошего коллектива приходит мало народу, это как по сердцу ножом. Но Москва — такой город, где людям трудно убедить пойти на что-то незнакомое.

— Как группы попадают в клуб?

— Кого-то мы приглашаем сами, кто-то присылает заявки. Мы завалены дисками. Но по записям очень трудно понять насколько талантлива группа. Да и на самом деле по-настоящему интересных групп мало.

— Какие, по-вашему, приоритеты у публики, которая ходит на концерты в «Летчик»?

— Сейчас вырос интерес к мировой этнической музыке.

— А в России как с народной музыкой?

— Вот в древних бабках и вообще пьющем деревенском населении каким-то образом сохранилась традиция. Если же говорить о сценических персонажах, был гениальный музыкант Дмитрий Покровский. Тридцать лет он ездил по разным уголкам России, собирая старые народные песни.

Я не слышал в своей жизни ничего прекраснее этих обрядовых песен в исполнении Покровского и его оркестра! Причем по драйву они часто не уступали ни одному рок-концерту.

В какой-то степени продолжателем Покровского можно считать Старостина — единственного музыканта, который сегодня действительно обращается к истокам, к народному творчеству, хотя использует другие, более современные инструменты.

— А Пелагею можно назвать настоящей народной певицей?

— Пелагея выросла больше из шансонной русской традиции. Это такая народность есенинского типа: «В деревне никогда не был, но знаю, что там поют».

Когда я впервые услышал голос Пелагеи, я обомлел. Она тогда выступала на празднике, посвященном 850-летию Москвы, и пела «Любо, братцы, любо!». А в другой раз я слышал, как она исполняла прекрасный русский романс в передаче Диброва. Это было просто и гениально.

Тогда ей было лет двенадцать. Дети вообще испорчены меньше. Сейчас, мне кажется, у Пелагеи наступил трудный период взросления, и ее пение стало другим, чего-то в нем не хватает. Я очень люблю ее, я всегда очень хотел, чтобы она выступала у нас в клубе. Поэтому надеюсь, что этот период пройдет и талант не угаснет.

— Кроме невысоких претензий к себе, что мешает творчеству?

— Слава. Сложно, когда тебе хлопают, свистят и орут: «Круто!». Как тут не поверить, что ты лучший? Мне кажется, настоящие музыканты тем и отличаются, что не верят.

● Наталья МАЛАХОВА

Китай-город. Подвал. Летное поле

**Алексей
ПАПЕРНЫЙ:**

Китайский «Летчик Джао Да»
завален дисками дебютантов

Из личного архива А. Паперного

сокий уровень претензий к самим себе, чего нашим исполнителям явно не хватает.

Дело даже не в бизнесе и не в коммерции. Проблема в слушателях. Им часто нравится полное дерьмо, а настоящего они не замечают. Хотя, может быть, настоящее должно быть одиозным и неведомым.

— Подмена настоящего наносным — черта современности?

— В 80-е порой отчаяние, смелость и наглость были подменой художественности. Именно за счет этих свойств многие брали свои вершины. Но находиться в том состоянии уже неинтересно. А то, что создают рокеры той поры сегодня... Их нынешнее творчество — это суррогат самих себя. Исключение для меня составляет Леша Хвостенко, умерший в 2004 году, на 65-м году жизни. До последнего момента было интересно слушать его. Леша менялся как личность и оставался живым до конца. Из ныне здравствующих выделить можно только Леню Федорова из группы «АукцЫон».

— Рок 80-х жил протестом. Сегодня ситуация другая...

— Мне кажется, сейчас ситуация в стране гораздо хуже, чем была тогда. Тогда хотя бы могли возникнуть все эти музыканты —

Цой, Кинчев, Гребенщиков. А сейчас они возникнуть не могут, потому что между властью и народом восстановилась абсолютная гармония. Люди достойны

шания Саакашвили с Путиным. Меня тревожат судьбы сотен людей, которых выгоняют отсюда. Это плохо, аморально и неправильно.

— Возвращаясь к музыке, сложно ли сочетать творческую деятельность и клуб?

— Технически нет, а психологически становится все сложнее. Хотя на самом деле и написание песен, и организация фестивалей — звенья одной цепи.

Хочется видеть здесь знакомые лица, а если и незнакомые, то с ощущением: «Странно, что я не знаю этого человека». Вообще пусть «Летчик» посещает кто угодно, лишь бы он не был агрессивным хамом.

— И все-таки в клубе дружественная атмосфера.

— И это самое главное достижение «Китайского летчика», перекрывающее собой любые привозы супергрупп. Самое прекрасное — чувствовать, что там ты дома. Это чудесное состояние, возможно, ради него я и занимаюсь клубом.

— А есть ли в Москве подобные клубы?

— Их полно. «Апшу», «Жан-Жак», «Тоголь», например. Они все очень близки по идеологии, в них собираются одни и те же люди. Другая музыка как раз и рождается в таких местах. 5Nizza, Billy's Band начинали свою музыкальную карьеру именно в подобных заведениях. Группа «Пакава Ить», которая раньше играла на улице, в первый раз широко заявила о себе в «Летчике».

— Насколько выгодно содержать клуб, где играют независимую музыку?

— Алексей, каких музыкантов можно послушать в «Летчике»?

— Стараемся, чтобы музыка звучала самая разная: от кубинских певцов и африканцев до электронщиков и рок-музыкантов. Уровень и стиль не имеют значения. Главное, чтобы человек был талантлив и делал что-то свежее и интересное. А этого у нас в стране, поверьте, очень мало.

— Попсовиков-затейников здесь не увидишь?

— «Фабрику звезд», конечно, вряд ли. Но смотря что понимать под попсой. У нас, например, выступал Шнуров. Его тоже можно назвать попсовым. Он популярнее любой эстрадной группы. Но все-таки от общего контингента сильно отличается — своим умом. И мне кажется, сейчас он находится в непонятках, куда идти дальше. Та тема, которую он заявил, уже исчерпана, ему уже вряд ли интересно делать то же самое. Думаю, он либо как-то извернется, либо превратится в ту же «Фабрику звезд».

— Какие персонажи интересны лично вам?

— Однажды к нам приехала монгольская певица Урна. Она пела так, что дух захватывало. Африканский оркестр «Бао-баб», изначально организованный в каком-то клубе с одноименным названием, куда лучших музыкантов позвали развлекать чиновников. Впоследствии эти африканцы стали самостоятельным ансамблем, играющим просто магическую музыку. Этнические мотивы, ча-ча-ча, рок-н-ролл — невероятная стилевая смесь, в которой теплится какое-то странное африканское дыхание.

— Как реагировала публика?

— Странно отреагировали музыканты — как-то снисходительно. Спокойно, скрестив руки на груди, они говорили: «Ну так, ничего. Что-то в этом есть. У них свой стиль». Хотя это магия, и нужно слушать ее, задыхаясь!

— Почему же так?

— Наши музыканты могут долго драматично повторять: «Да, мы играем плохо. Музыка у нас неинтересная, банальная и скучная. Но дело не в нас, а в нашем особом русском пути...» — и так далее, с душевным надрывом, который на самом деле имитация.

— Если играть и думать так, может, лучше сразу уйти?

— Зачем уходить? Надо просто заставить себя трудиться, хотя это и мучительно. Я не выпускаю диск уже три года, потому что не могу сделать ничего, что бы мне казалось достойным, настоящим и правдивым.

Паперный Александр